

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. Н. ТОЛСТОГО С МАРТИНОМ АНДЕРСЕНОМ НЕКСЕ И ИОГАННЕСОМ РОБЕРТОМ БЕХЕРОМ

Л. Г. Григорьева

Публикуемая переписка Толстого с писателями-антифашистами Марином Андерсеном Нексе (1869—1954) и Иоганнесом Робертом Бехером (1891—1958) включает в себя три письма и телеграмму Бехера, перевод письма Нексе; с помощью коллег из ГДР удалось найти и письмо самого Толстого, адресованное Нексе¹.

Толстой, Нексе и Бехер впервые встретились, вероятно, в августе 1934 г. в Москве, на Первом всесоюзном съезде писателей, где Толстой читал доклад о советской драматургии, а Нексе и Бехер выступали с речами.

Следующая встреча Толстого и Нексе произошла в июне 1935 г. в Париже, на Международном конгрессе писателей в защиту культуры. В национальные секретариаты вошли тогда от СССР А. Н. Толстой, от Дании — М. Андерсен Нексе.

Через два года они снова встретились на Втором международном конгрессе писателей в защиту культуры, проходившем в июле 1937 г. сначала в республиканской Испании, а затем в Париже. С группой советских писателей Толстой побывал в Гвадалахаре, Карабанчеле, Мадриде, где «бои шли в нескольких километрах от трибуны, на которую выходили антифашистские писатели всех стран мира» (10, 377).

Одной из наиболее представительных на конгрессе была делегация немецких писателей-антифашистов, в которую входили Иоганнес Бехер, Анна Зегерс, Густав Реглер, Людвиг Репп, Ханс Мархвица.

Толстой и Нексе были избраны в президиум Международной ассоциации писателей для защиты культуры. Л. И. Толстая, переводчица советской делегации, вспоминала, что именно тогда окрепли взаимная симпатия и дружеские отношения писателей; в ее архиве хранится неопубликованная «испанская» фотография Нексе².

В феврале 1939 г. А. В. Ганзен, переводчица произведений Нексе и его давний друг, переслала в Иностранную комиссию Союза советских писателей письмо датского писателя к ней:

«<...> Мы рассчитываем провести лето где-нибудь на морском берегу,— писал Нексе.— Но хотелось бы в таком месте, где я мог бы отдохнуть по-настоящему, чувствовать себя вполне хорошо. А та публика, какая преимущественно встречается на наших отечественных курортах, не внушает мне прямых симпатий. Да и с ее позицией по отношению ко мне не так-то легко мириться. У меня мало охоты провести день моего 70-летия здесь, на родине, и может быть, стать предметом чествования более официального, чем искреннего. Вот мы и подумываем об окрестностях Ленинграда. Насколько я знаю, там есть чудесные приморские уголки, где можно насладить-

ся морем, солнцем и воздухом. Но Вы лучше меня осведомлены на этот счет и можете сказать мне: найдутся ли там такие купальные местечки, где можно устроиться в пансионе. Я полагаю, особых затруднений в получении разрешения мне с семьей приехать и пожить в СССР — не встретится. Экономический вопрос разрешается тем, что, вероятно, в Моск^{овском} Гос^{ударственном} из^{дательст}ве законсервированы кое-какие суммы из моего гонорара. А вы, может быть, настолько знакомы с местными условиями, что можете порекомендовать нам подходящее местечко покрасивее и поздоровее, а также указать, к кому именно мне следует обратиться по этому поводу. Может быть, к Алексею Толстому, живущему ведь в Ленинграде? Или в Ленинград^{ское} Гос^{ударственное} изд^{ательст}во? Давненько я уже не дышал воздухом Советской России и был бы рад провести там с семьей именно ЭТО лето. Будьте же добры сообщить мне, куда должен я адресоваться с моей просьбой, в какую наиболее авторитетную и имеющую законные полномочия инстанцию»³.

По поручению Союза советских писателей Нексе ответил Толстой:

«Дорогой друг Мартин Андерсен Нексе!

Международная комиссия Союза советских писателей получила сообщение о том, что Вы выразили желание провести лето на море у нас в Советском Союзе. Мы радуемся Вашему приезду и будем счастливы отпраздновать Ваше семидесятилетие здесь с Вами, в кругу Ваших советских читателей и почитателей.

Что касается частных и других технических вопросов, связанных с Вашей поездкой и летним пребыванием, то мы передадим наши предложения еще в течение этого месяца.

С сердечным приветом.

Ваш Алексей Толстой»⁴

21 марта 1939 г. Нексе направил Толстому следующее письмо:

«Председателю Иностранной комиссии Союза советских писателей. Москва.

Дорогой друг Алексей Толстой,

Ваше дорогое письмо было для меня приятной неожиданностью. Я как-то легкомысленно написал приятельнице Анне Ганзен о том, с какой радостью дети, жена и я провели бы летние каникулы на советском взморье, где-нибудь в окрестностях Ленинграда. Дети любят плавать. Здесь на берегу моря встретишь только бездельников, которые отравляют всю прелесть своей тупостью. К тому же здесь летом безумная дороговизна и коммунисту здесь не отдохнуть, даже если его и не провоцируют. Поэтому Ваше любезное письмо вызвало в доме восторг. Для меня, а также для моей жены и товарища, пребывание в Советском Союзе означает и моральное подкрепление, которое Вы — к счастью — вряд ли можете себе представить, так как Вы окружены строительством, достижениями во всех областях, людьми, имеющими будущность!

Прошло два года после моего последнего пребывания в Советском Союзе; за это время у Вас опять имеются большие достижения, за ними не поспеваешь, чувствуешь себя отсталым на десятилетия. Тем больше моя радость и благодарность за Ваше письмо.

С сердечным приветом. Преданный Вам *Мартин Андерсен Нексе* ⁵.

День своего 70-летия Нексе встретил все-таки на родине, в Дании. В Копенгагене состоялись торжественное собрание и большой народный праздник, на котором Нексе выступил с речью ⁶.

В Советский Союз Нексе приехал 10 июля 1939 г. В интервью «Литературной газете» он сказал: «Наблюдать строительство нового мира, дышать воздухом страны социализма, какой еще может быть лучше отдых для большевика?» ⁷ В клубе ССП московские писатели сердечно поздравили юбиляра. С речью выступил К. Федин.

Вернувшись в Данию, Нексе рассказывал на собраниях об увиденном, писал статьи, в которых разъяснял внутреннюю и внешнюю политику СССР. Несмотря на ожесточенную травлю и упреки в антипатриотизме, «красный викинг», как назвал Нексе венгерский писатель-антифашист Бела Иллеш, не складывал оружия. Новогоднее приветствие, с которым обратились к нему советские писатели, стало той дружеской моральной поддержкой, которую Нексе ценил превыше всего:

«Дорогой друг Мартин Андерсен Нексе!

Поздравляем тебя с Новым годом! Приветствуем тебя! Ты борешься хорошо, твои удары метки и валят с ног клеветников и шарлатанов, пытающихся опорочить святое дело освобождения мира от гнета империализма.

Мы восхищаемся и гордимся тобой.

Крепко жмем твою мужественную руку!» ⁸.

Первая подпись под приветствием — Алексея Толстого.

Ответное письмо Нексе было одним из последних, отправленных в Советский Союз перед войной:

«Стенлезе. Дания. 5 января 1940.

А. Толстому, М. Шолохову, А. Фадееву, Ф. Панферову, К. Федину,
В. Катаеву, А. Серафимовичу, Ф. Гладкову, Вс. Иванову,
Л. Леонову, Н. Асееву, О. Форш, М. Зощенко, Н. Тихонову,
Ш. Дадиани, А. Корнейчуку, Самеду Вургуну и Наири Зарьяну

Дорогие друзья!

Ваш новогодний привет глубоко тронул меня и наполнил гордостью. Хотя само собой разумеется, что пролетарский писатель борется за пролетариат и не дает спуску капиталистам, все же очень приятно, для разнообразия, после брани и ругани у себя на родине, получить милый и дружеский привет от вас. Каждый раз, посещая Советский Союз, я возвращался обратно, духовно очистившись, с новым запасом сил. Пребывание с Вами, возможность ежедневно наблюдать трудолюбивый советский народ, живительный воздух вашей страны — все это бодрит и укрепляет, как нарзанная ванна.

Я приветствую Вас и от имени моих друзей. Нас немного, но мы хорошо деремся, дружно держимся вместе и у нас неплохие успехи. Факт существования СССР — величайший и замечательнейший на земле для каждого классово-сознательного пролетария — служит нам поддержкой. И Ваши произведения, излучающие новый дух, показывают нам вновь и вновь, что строить новый мир хотя это и трудно, но все же безусловно стоит построить новый мир.

Желаю всего лучшего Вам, Советскому Союзу и нашему общему делу в этом новом году!

С товарищеским приветом»⁹.

Наступивший 1940 год стал для европейских стран годом фашистской агрессии, войны, о приближении которой прогрессивные писатели говорили еще в Испании. «Второй международный конгресс писателей, — сказал в своей речи Толстой, — увидел всю обманчивость иллюзий о неприкосновенности мирной тишины. Нет той святости, перед которой дрогнула бы рука фашистского летчика, сбрасывающего бомбу. Мы увидели начало мировой войны» (10, 379).

Но ни он, ни писатели-антифашисты, участники конгресса, сфотографировавшиеся вместе на память, не знали тогда, что вскоре придется спасать от фашизма самих представителей культуры. С началом военных действий Германии против Франции антифашистская эмиграция в этой стране оказалась под угрозой, в особенности участники конгресса — А. Зегерс, Ф. Вольф, А. Дёблин, Г. Мархвица. Обеспокоенный их судьбой, И. Бехер, нашедший свою вторую родину в СССР, обращается с просьбой о помощи:

«Москва, 27 июня 1940.

Редакция „Интернациональной литературы“. Немецкие листки.

Дорогой, глубокоуважаемый товарищ Толстой!

Я обращаюсь к Вам по делу, быстрое решение которого может спасти жизнь некоторых дорогих нам и всегда преданных Советскому Союзу немецких писателей. Дело в том, что в настоящее время группа немецких писателей-эмигрантов интернирована в концентрационных лагерях и они могут быть выданы, согласно условиям договора о перемирии, по требованию немецкого правительства. Среди этих писателей находятся Фридрих Вольф, Густав Реглер, Анна Зегерс, Ганс Мархвица, Леонгард Франк, Альфред Дёблин. Я постараюсь как можно скорее передать Вам более точный список.

Так как я в настоящее время не в состоянии связаться с товарищем Фадеевым, то доверительно обращаюсь к Вам, сознавая, что Вы можете предпринять соответствующие шаги.

С наилучшими пожеланиями. Ваш *Иоганнес Р. Бехер*»¹⁰

Бехер обращался к Толстому не только как к человеку, с которым его связывала дружба, но и как к общественному деятелю, годом ранее предпринявшему вместе с А. Фадеевым подобные хлопоты относительно Генриха Манна.

Но путь на Восток был исключительно трудным и сложным. Французское правительство интернировало немецких антифашистов и интербригадовцев, сражавшихся в Испании, изолировало их как опасных иностранцев. Чтобы не попасть в руки фашистов, из лагеря на побережье бежал Леонгард Франк. Он добрался до Испании, откуда ему удалось уехать в США, где он встретился с другими беженцами из Франции — Г. Манном, А. Дёблином, Г. Мархвицей. Анна Зегерс из Франции попала в Мексику. Обо всем этом в Москве узнали позже, а пока Толстой предпринимал шаги по спасению немецких писателей, о чем свидетельствует письмо Бехера от 6 июля 1940 г.:

«Дорогой, многоуважаемый тов. Толстой!

Большое спасибо за Ваш ответ на мое письмо. Я немедленно обратился в соответствующую инстанцию, но, к сожалению, не мог получить более точных данных. События последних месяцев прервали все связи. Вполне возможно, что тот или иной немецкий писатель за это время сумел покинуть Германию, но все же можно опасаться, что часть этих эмигрантов все еще остается во Франции. Я могу повторить самые значительные, по моему мнению, имена.

Фридрих Вольф, Н. Радвани (А. Зегерс), Ганс Мархвица, Альфред Дёблин, Фриц Брюгель, Густав Реглер, Рудольф Леонгард, Альфред Канторович, Бенедикт Фрейштадт (Бруно Фрей).

Я разрешаю себе беспокоить Вас по этому поводу в надежде, что Вы понимаете, насколько это жизненно важно для нас.

Горячий привет Вам и Людмиле Ильиничне»¹¹.

Судьба упомянутого Бехером ответного письма Толстого пока неизвестна.

22 мая 1941 г. в Москве в Доме литераторов отмечалось 50-летие Бехера. Он получил поздравительное письмо:

«Дорогой товарищ и друг Иоганнес Бехер, сердечно приветствуем и поздравляем Вас в день Вашего пятидесятилетия, который Вы встречаете в действительном расцвете творческих сил. Мы рады и горды, что наша страна в труднейшее для Вас время сделалась не только Вашим прибежищем, но также неиссякаемым источником вдохновения. Так и должно было случиться, потому что Вы явились в Советский Союз с верой, что найдете в нем свою вторую родину и он поможет укрепить силы для дальнейшей борьбы и нового труда. Книжки, созданные Вами у себя на родине и на Советской земле, рисуют Вас истинным, большим поэтом современности. Искусство поэтической формы становится все более совершенным и разнообразным в Вашей поэзии, которая необыкновенно обширна по темам, волнует своею лирикой и всегда органично, без малейшей искусственности, наполнена социальным содержанием. Как настоящий художник, Вы остаетесь поэтом в прозе, где Ваши качества лирика и талант драматурга соединяются с эпической силой. Мы особенно отмечаем Ваши последние книги стихов — „Сонеты“, „Возрождение“ и роман „Прощание“¹².

Дружески жмем Вашу руку поэта, писателя, коммуниста и желаем Вам здоровья, полного успеха творческих замыслов и хорошей, долгой жизни.

*Конст. Федин, Алексей Толстой, Фед. Гладков,
Вс. Вишневский, А. Фадеев, Вал. Катаев*¹³

А через месяц фашистская Германия напала на СССР.

Осенью 1941 г. правление Союза писателей РСФСР принимает решение об эвакуации из Москвы членов Союза. Большую группу писателей отправили в Чистополь, где был организован филиал правления, а другую — через Казань — в Ташкент. В ноябре Толстой переезжает из Зименок в Куйбышев, а оттуда самолетом летит в Ташкент. «Вспоминается просторная столовая-приемная в доме Алексея Николаевича, — пишет Е. П. Пешкова, — которая была центром, где нередко собирались попавшие в Ташкент москвичи и новые друзья по Ташкенту. Большое участие принял он тогда в судьбе немецких эмигрантов, эвакуированных в Ташкент...»¹⁴.

Иоганнес и Лили Бехер ехали через Казань. В Казани о них позаботился Фадеев, но зимний Ташкент встретил их сурово — Бехер сильно простудился и заболел. Благодаря вмешательству Толстого поэту была оказана необходимая медицинская помощь, предоставлено теплое жилье, найдена возможность печататься в местных издательствах.

Победа под Москвой воодушевила Бехера, он стремился работать там, где мог принести наибольшую пользу. Представление о жизни Бехера в Ташкенте дают его письма в Союз писателей СССР. В одном из них (М. Я. Аплетину) он писал:

«После довольно утомительного путешествия мы прибыли сюда, некоторые товарищи заболели, некоторые и теперь больны. Тов. Алексей Толстой помог нам, и только таким путем мы могли остаться вообще в Ташкенте»¹⁵.

И — в другом письме тому же адресату:

«Сначала совсем коротко общее положение. Наша жизнь здесь очень тяжелая. Хотя партия и правительство, а также товарищ Толстой заботятся о нас, но несмотря на это у всех нас всего не хватает и здоровье некоторых товарищей сильно ухудшилось<...> Эти трудности всякого рода, конечно, легче сносить перед лицом хорошего политического и военного положения, поэтому наше настроение — рабочее, мы полны надежд. Все наши товарищи работают, хотя еще и не совсем ясно, как все это будет реализовано. О себе я могу сказать следующее: с тех пор, как я приехал в Ташкент, я очень много работал и, как я думаю, неплохо. Наряду со стихотворениями, которые разрослись в цикл из пятидесяти стихотворений, я написал двенадцать публицистических работ, которые также составят небольшую книжку под названием „Спасение Германии. Речи и призывы к немецкой нации“¹⁶. Многие из них я уже послал в Информбюро и на радио, но, к сожалению, до сих пор не получил ответа <...> Однако самая важная моя работа — это драма „Битва под Москвой“¹⁷, в которой изображены события с октября до

конца ноября, действие происходит в немецкой армии. Эту работу я считаю актуальной»¹⁸.

Бехер вернулся из эвакуации в январе 1942 г. Толстой — в июне. В конце 1942 г. он получил следующее письмо Бехера:

«11 декабря 1942 г. Москва.

Дорогой Алексей Николаевич, к моему большому сожалению, со времени наших встреч в Ташкенте мне не удалось ни увидеть Вас, ни хотя бы побеседовать по телефону, несмотря на все старания связаться с Вами. Мы с женой часто вспоминаем Ваше внимание, Вашу товарищескую помощь нам в трудные дни.

В надежде, что Вы нас не забыли, я разрешаю себе обратиться к Вам в связи с обстоятельствами, которые очень тревожат меня и мою жену. Наша единственная дочь с начала войны была эвакуирована в Чистополь. Она живет сейчас в трудных условиях, особенно неблагоприятных для нее из-за серьезной болезни глаз, обострившейся ввиду того, что нет необходимого ей постоянного врачебного наблюдения. Только что я получил письмо, свидетельствующее, что положение еще ухудшилось. <...>»¹⁹.

Пока не удалось установить, что предпринял тогда Толстой. Но остались воспоминания современников, из которых видно, что Толстой откликался на просьбы о помощи²⁰.

В 1942—1943 гг. Бехер пишет обращения к немецким солдатам, выпускает сборники стихотворений «Германия зовет», «Благодарность Сталинграду»²¹. Когда 13 января 1943 г. отмечалось 60-летие Толстого, вместе с другими поздравлениями пришла телеграмма и от его немецких друзей:

«Крупному писателю и замечательному товарищу поздравление к 60-летию. Лили и Иоганнес Бехер»²².

А телеграммы от Нексе не было, да и не могло быть: датский писатель находился в то время в госпитале под надзором, куда его, больного, перевезли из тюрьмы друзья, готовившие его побег. В октябре 1943 г. его удалось переправить из оккупированной Дании в нейтральную Швецию. Там Нексе получил приглашение из Москвы и в декабре следующего года отправился в путь. По дороге он остановился в Ленинграде, где встретился с писателями-фронтовиками. В Москве Нексе выступал по радио с вещанием на Данию, призывал свой народ встать на борьбу с оккупантами, рассказывал о боевых успехах Красной Армии, здесь он создал замечательный цикл статей «Письма к земляку»²³. С Толстым, который в то время был уже тяжело болен, Нексе больше не встречался.

После войны, в 50-е годы, Бехер «с большим теплом рассказывал о встречах с А. Н. Толстым»²⁴. А. Нексе писал о нем: «Алексей Толстой в совершенстве владел своей профессией и обладал большим талантом. Но главное — он был живым человеком, писателем, место которого было в самом центре жизни»²⁵.

¹ Письма Бехера и Нексе к Толстому хранятся в ИМЛИ (ф. 43, № 256. 1, 2, 2563, 3019.5 — письма Бехера; ф. 43, № 2804 — письма Нексе). Впервые напечатаны в связи с объявлением о выходе настоящего тома: *Вопр. лит.*, 1983, № 1, с. 127—135. Фотокопия письма получена в ответ на просьбу редколлегии настоящего тома от заведующей архивом Нексе (Академия искусств ГДР) Ильзе Зиберт при любезном содействии Первого заместителя генерального директора Академии искусств ГДР Дитера Хайнце, которым автор публикации и редколлегии выражают сердечную благодарность.

² ИМЛИ, ф. 43, н. п.

³ Письмо Нексе к А. В. Ганзен от 14 февраля 1937 г. Пер. А. В. Ганзен. — Архив Иностранной комиссии СП СССР, папка 4. На письме резолюция: «Ответить немедленно».

⁴ Письмо Толстого к Нексе. Москва, от 14 марта 1939 г. На нем. яз. Пер. Л. Г. Григорьевой. — Akademie der Künste der Deutschen Demokratischen Republik, Martin-Andersen-Nexo-Archiv.

⁵ Письмо Нексе к Толстому. Пер. на рус. яз.; без даты — ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 726. Датируется по тексту письма (на нем. яз.), сохранившемуся в архиве Нексе в ГДР.

⁶ Опубл.: *ЛГ*, 1939, 20 июня.

⁷ Опубл.: *Правда*, 1940, 1 янв. Приветствие подписали: А. Толстой, Ф. Панферов, К. Федин, В. Катаев, А. Серафимович, Ф. Гладков, Вс. Иванов, Л. Леонов, Н. Асеев, О. Форш, М. Зощенко, Н. Тихонов, Шалва Дадияни, А. Корнейчук, Самед Вургун, Наир Зарьян.

⁸ Опубл.: *ЛГ*, 1940, 21 янв.

⁹ Фотография находится в ИМЛИ, ф. 43, н. п.

¹⁰ Письмо Бехера Толстому от 27 июня 1940 г. На нем. языке. Пер. Л. Г. Григорьевой. — ИМЛИ, ф. 43, № 2564.1.

¹¹ Письмо Бехера Толстому от 6 июля 1940 г. Пер. на рус. яз. — ИМЛИ, ф. 43, № 2564.2.

¹² Союеты Бехера до 1940 г. публиковались на рус. яз. в журналах «Интернациональная литература» (1935, № 8, 1938, № 2—3), «Новый мир» (1936, № 2) и др.; отдельным изданием были выпущены впервые на рус. яз. в 1950 г. (М.: Гослитиздат). Роман «Прощание» был опубликован на нем. яз. в 1940 г. (М.: Международная книга). «Возрождение» — имеется в виду сборник стихотворений «Вновь рожденный», вышел на немецком языке в 1940 г. (М.: Международная книга).

¹³ Факсимиле письма Бехеру от 22 мая 1941 года опубликовано в кн.: *Becher. J. R. Bildchronik seines Lebens / Von Lily Becher und Gert Prokop. Mit einem Essey von Bodo Uhse. B.: Aufbau-Verlag, 1963, S. 149.*

¹⁴ *Воспоминания*, с. 15.

¹⁵ Письмо Бехера М. Я. Аппетину от 5 янв. 1942 г. Подлинник на рус. яз. — Архив Иностранной комиссии СП СССР, папка 45.

¹⁶ Очевидно, имеется в виду издание: J.-R. Becher. *Deutsche Sendung. Ein Ruf an die deutsche Nation.* М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1943.

¹⁷ Драма «Битва под Москвой» под названием «Зимняя битва» была поставлена впервые в 1952 г. в Праге и в 1955 г. — в Лейпциге.

¹⁸ Письмо Бехера М. Я. Аппетину от 17 янв. 1942 г. На нем. яз. Пер. Л. Г. Григорьевой. — Архив Иностранной комиссии СП СССР, папка 45.

¹⁹ Письмо Бехера Толстому от 11 дек. 1942 г. Пер. на рус. яз. — ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 2563.

²⁰ См. например, *Воспоминания*, с. 179.

²¹ Сборник «Германия зовет» вышел на немецком языке в 1942 г. (М.: Изд-во литературы на иностранных языках); книга «Спасибо тебе, Сталинград» — в 1943 г. на немецком языке (М.: Изд-во литературы на иностранных языках).

²² ИМЛИ, ф. 43, № 3019 (5).

²³ «Письма к земляку» вышли на датском языке в 1945 г. (*Breve til en Landsmand. Kbhvn: Lande, 1945*).

²⁴ *Дымшиц А. Звенья памяти.* М.: Сов. писатель, 1975, с. 276.

²⁵ Памяти Алексея Николаевича Толстого. — *ЛГ*, 1945, 3 марта.